

Д. И. Писарев

**Женские типы в романах и
повестях Писемского,
Тургенева и Гончарова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д11

Д11   **Д. И. Писарев**
Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова / Д. И. Писарев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-3028-1

Дмитрий Иванович Писарев принадлежит к числу выдающихся представителей русской литературной критики и публицистики 60-х годов XIX столетия.

В истории русской философии Писарев известен как страстный пропагандист естественно-научного материализма.

ISBN 978-5-4241-3028-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д. И. Писарев, 2021

Писарев Дмитрий Иванович
Женские типы в романах и
повестях Писемского,
Тургенева и Гончарова

Дмитрий Иванович Писарев

Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова

I

Сколько лет уже живут люди на свете, сколько времени толкуют они о том, как бы устроить свою жизнь поизящнее и поудобнее, а до сих пор самые простые и положительно необходимые отношения не установились как следует. До сих пор мужчина и женщина мешают друг другу жить, до сих пор они взаимно, самыми разнообразными и утонченными средствами, отравляют друг другу жизнь. Разойтись они не могут, сойтись как следует не умеют и, инстинктивно стараясь сблизиться, запутываются в такие сложные, мучительные, неестественные отношения, о которых свежий человек с здоровым мозгом не может себе составить даже приблизительно-верного понятия. Мужчина гнетет женщину и клевещет на нее. Взгляните на восточные гаремы, вспомните о тех законах, но которым вдова должна была сжигаться на костре покойного мужа, вспомните те странные статьи первобытного уголовного кодекса, в силу которых нарушительница супружеской верности подвергалась смертной казни или по меньшей мере жестокому и унизительному телесному наказанию, - вспомните все это, и вы увидите ясно, что на стороне мужчины всегда находились сила, власть и неоцененное право мучить по своему благоусмотрению подчиненную, безответную и, сравнительно с ним, слабую спутницу. Загляните потом в литературу всех народов, начиная с древнейших времен, пересчитайте, если у нас на то хватит сил и сведений, все ядовитые или просто грязные обвинения, направленные против женщины вообще, и вы увидите так же ясно, что мужчина, постоянно разворачивший женщину гнетом своего крепкого кулака, в то же время постоянно обвинял ее в умственной неразвитости, в отсутствии тех или других высоких добродетелей, в наклонности к тем или другим преступным слабостям. Обвинения эти делались, конечно, чисто с точки зрения самого обвинителя, который в своем собственном деле являлся обыкновенно истцом, судьею, присяжным и палачом. Если, например, молодому образованному греку времен Перикла было скучно сидеть с своею женой, которая не знала ничего, кроме своих рабынь и шерстяной пряжи, то он громко обвинял ее в тупоумии и уходил с веселыми друзьями к модной гетере, где, конечно, находил полное сочувствие своему семейному горю, а вслед за сочувствием отыскивал и утешение. Жена, существо молодое, свежее, способное развиваться и наслаждаться, оставалась одна, не смея даже роптать, с тихим, затаенным вздохом принималась опять за пряжу, робко поджидала возвращения господина-супруга, стыдливо принимала его полупульные ласки и, не получая ниоткуда притока свежего воздуха, постоянно тупела и с каждым днем сильнее и сильнее надоедала своему мужу. Возьмем другой пример.

Если богатый мусульманин, владетель великолепного гарема, не имел возможности любить с одинаковою силою всех своих жен и любовниц и если одна из оставленных одалиск искала себе утешения в какой-нибудь посторонней привязанности, если она успевала склонить стражу и украдкой ввести в гарем своего возлюбленного, - хозяин и властелин считал себя смертельно оскорблением и самым жестоким образом вымешал свою обиду на своей возмущившейся собственности. Эта собственность зашивалась в мешок и отправлялась на дно ближайшей реки или немилосердно уродовалась палками, плетьями, розгами и другими исправительными орудиями, принадлежащими к той же категории.

Но все это, скажет читатель, примеры, взятые из отдаленного прошлого или из другой, уродливо сложившейся цивилизации! Хорошо, возьмем пример из наших времен и из нашего быта. Года четыре тому назад в нашем отечестве был поднят вопрос о воспитании; появилось несколько педагогических журналов, и в них, между прочим, заговорили очень речисто о женщинах. На наших женщин напали с двух сторон: во-первых, их раскритиковали в пух как воспитательниц; во-вторых, - как часть воспитывающегося и вырастающего молодого поколения. Матерям и воспитательницам наша литература говорила безо всяких обиняков: "Вы воспитываете скверно, вы сами пусты, вы живете нарядами и выездами, вы не думаете о страшной ответственности, которая лежит на вас перед обществом, перед родиною, перед собственной совестью. Покайтесь и обратитесь на путь истины". Обращаясь к воспитанницам, литература наша даже их умела обвинить в том, что они получили с самых малых лет скверное направление, что они не любят науки, равнодушны к интересам своего развития, обожают своих учителей, начинают кокетничать чуть не с пеленок и, достигши шестнадцатилетнего возраста, норовят выйти замуж за кого попало. Я возьму только один факт этого обвинения и докажу вам, что по своей идее он нисколько не лучше тех двух примеров, которые я привел выше.

В первом примере грек дуется на свою жену за ее неразвитость, которую он же сам поддерживает в ней своим обращением с нею.

В втором примере мусульманин колотит свою одалиску за неверность, которую он же сам вызывает своею невнимательностью.

В третьем примере литераторы наши ругают женщин за их ветреность, за их пустоту, которая поддерживается складом всего общества и в которой виноваты одни мужчины, как единственные деятельные члены этого общества.

Наши русские матери плохо воспитывают, - согласен; да где ж им было научиться приемам здравой педагогики? Где им было проникнуться человеческими идеями? Наши матери занимаются устройством своих куафюр или маринованием грибов, - опять-таки согласен. Да что же им делать, когда они ничего лучшего не знают? А не знают они потому, что с ними никто по-человечески не говорил. Виноваты же в этом одни мужчины, потому что мужчины дирижируют оркестром общественных убеждений и являются з. Если выходит разладица, они же сами за это отвечают и на себя должны пенять.

Наши девушки кокетничают потому, что никто не умеет шевельнуть как следует их ума; молодые силы ищут себе исхода и, не находя себе разумного приложения, обращаются на пустяки и тратятся на нелепости; девушка старается выйти замуж - это очень похвально и благоразумно; желая этого, она повинуется естественному голосу физической природы и показывает в себе присутствие свежих сил, потребность любви и наслаждения; кроме того, она очень хорошо понимает, что, выходя замуж, она становится свободнее, чем была прежде, находясь в родительском доме; если она ищет для себя личной свободы, значит, она инстинктивно или сознательно понимает ее цену. Кто стремится к независимости, тот во всяком случае оказывается сильнее, умнее и энергичнее человека, мириящегося с своим подчиненным положением.

Чтобы выйти замуж, многие девушки пускают в ход неблагообразные средства; они стараются понравиться, продают товар лицом, кокетничают; все это очень нехорошо, но опять-таки в этом виноваты мужчины. Если бы мужчинам

не нравились кокетки, если бы мужчины требовали от женщин серьеznого ума, если бы они не довольствовались легкюю грациею, тогда кокетство сделалось бы невозможным. А кричать в литературе против того зла, которое поощряешь в жизни, бесцельно и бесполезно. Валить нравственную ответственность на такое существо, которое в течение всей своей жизни находится в зависимости, несправедливо и неблагородно. Пора, мне кажется, сказать решительно и откровенно: женщина ни в чем не виновата. Она постоянно является страдалицею, жертвою или по крайней мере страдательным лицом. Если случается иногда, что женщина отравляет существование доброго, честного и умного мужчины, то в этом случае совершается только круговая порука. Женщина вымешает на своем муже то зло, которое ей сделали в доме отца; ее испортили, - она и является испорченюю; а все-таки в существовании портящих элементов виновата не женщина. Она в полном смысле -слова - продукт известных бытовых форм и условий, и притом продукт, не имеющий никакой возможности заявить свой протест. Даже мужчина, недовольный тою жизнью, на которую обрекают его понятия, укоренившиеся в обществе, бывает принужден выдержать страшную борьбу, - такую борьбу, которая обыкновенно истощает до последней капли живые силы его личности; большая часть мужчин не доводят этой борьбы до конца, смиряются и склоняют голову, признавая себя побежденными; кто остается победителем, тот скоро умирает от последствий непомерных усилий.

Подумайте, что же при таких условиях может сделать женщина? Вспомните, что женщина у нас знает несравненно меньше, чем мужчина, изнежена несравненно больше и также несравненно больше женщины сдавлена контролем общественного мнения. Мужчина приходит в столкновение с множеством разнообразных сфер; родительский дом, гимназия, университет, департамент или полк, маскарад, трактир, редакция журнала, прилавок торговой конторы - ведь это все школы жизни; положим, что каждая из этих школ сама по себе неудовлетворительна, но зато их довольно много, и каждая из них более или менее дает материалы для критики остальных. Если даже мы видим уродливые явления, то они оказывают на нашу мыслительную деятельность возбуждающее влияние, лишь бы только эти уродливые явления не были утомительно-однообразны. Мужчине есть на чем развиться; что это развитие пойдет вкривь и вкось - в этом нет почти ни малейшего сомнения; но тем не менее первобытный сон ребенка будет нарушен, придется не раз задуматься, "рассердиться, опечалиться, явится столкновения с разными личностями, с разными сферами; явится борьба, и эта борьба так или иначе начнет обтесывать личность молодого индивидуума, вступающего в жизнь. Те задатки способностей и страстей, которые лежали в темпераменте мальчика, разовьются в дурную или хорошую сторону, смотря по обстоятельствам; сделавшись молодым человеком, этот мальчик помирится с жизнью или восстанет против нее, но во всяком случае он обозначится, по-своему поймет самого себя и станет к окружающей его жизни в какие-нибудь отношения. Личность сложится так или иначе, а у женщины в большей части случаев и этого не бывает. Мужчину жизнь вертит и колышет круче, но женщину она давит сильнее. Для того чтобы одна женщина выделилась своим образом жизни из тысячеголовой массы необозначившихся, недоразвившихся и ничем не затронутых индивидуумов, необходимо соблюдение нескольких условий, которые в нашем обществе, при теперешнем складе воспитания и понятий, встречаются

чрезвычайно редко.

Необходимо, во-первых, чтобы что-нибудь вызвало на размышления и на критику. Необходим какой-нибудь толчок, который нарушил бы ребяческую полуудрёмту девушки или женщины. Мужчина встречает такие толчки довольно часто; каждый из нас помнит, вероятно, теплое слово какого-нибудь учителя или профессора, старшего товарища или случайного знакомого, которого светлая личность рельефно вырисовывается на темном фоне будничных житейских воспоминаний; каждый испытал, вероятно, электрическое действие такого слова, после которого приходилось оглянуться на свою прежнюю жизнь, перебрать в уме свои неясные, неперебродившие чаяния и стремления и положить первый краеугольный камень будущим мужским убеждениям. - К таким словам женщины воспримчивее, чем вы думаете: такие слова для них не пропадают даром, они запоминают их чувством, они вырастают и развертываются мгновенно под живительным влиянием такого слова, они привязываются всеми силами молодой и пылкой души - и к этому слову и к тому, кто его произносит; но посмотрите, где, когда, от кого приходится им слышать такое слово? Много ли у нас таких людей, которые способны заговорить с женщиной по-человечески? а из тех людей, которые на это способны, много ли таких, которые достойны этого? Много ли таких, повторяю я, которые, вызвав доверие и сочувствие женщины смелою, вдохновенною тирадою, не обманут этого доверия и не окажутся мыльными пузырями и ничтожными фразерами? Оглянемся на самих себя; посмотрим, каковы мы сами; посмотрим, что мы, люди дела, люди мысли, дали и даем нашим женщинам? Посмотрим - и покраснеем от стыда! Порисоваться перед женщиной изяществом чувств, огородить ее блестящею оригинальностью вычитанной мысли, очаровать ее красивою смелостью честного порыва - это наше дело, на это мы мастера. А дальше, дальше, когда надо эту же самую женщину поддержать, защитить, ободрить, - мы на попятный двор, мы начинаем делаться благоразумными, мы пугаемся того, что мы сделали, мы стараемся залить тот пожар, который сами, сдуру, не спросясь броду, раздули; мы говорим и себе, и другим, и даже женщине:вольно ж было так горячо принимать к сердцу! Надо помириться, надо покориться! Да, вот мы каковы, и туда же требуем от женщины, чтобы она была мыслящим существом. И смешно и досадно!

Вот видите ли: стало быть, если даже толчок дан, если даже мышление и критика пробудились, этого еще недостаточно. Женщина во всяком возрасте до такой степени лишена самостоятельности, что первые же проявления этой критики очень легко могут быть задавлены теми людьми, которые составляют обстановку. Молодое существо шевельнется, рванется к какой-то новой, незнакомой жизни, его круто осадят назад; оно заговорит - его осмеют; оно начнет протестовать - ему велят молчать; чтобы победить в неравной борьбе, которая завяжется между молодою женщиной и обстановкою, необходимы или особенно благоприятные обстоятельства, или огромная сила характера. Осуждать ту молодую девушку или женщину, которая начнет борьбу и не выдержит ее до конца, - я не решаюсь. Сил у нее мало - да что же делать? Где было развиться этим силам? На что им опереться? Да и наконец, разве ей самой, этой побежденной личности, склонившей голову и смиравшейся перед тем, что вызывает в ней глубокое отвращение, разве ей самой легко жить на свете? Обличать страдалицу, осуждать женщину, сломленную и изнывающую под ее бременем, - это, может быть, вы-

соконравственно и глубоко справедливо, но я предоставлю подобные подвиги другим, тем более, что охотники всегда найдутся.

Итак, получивши расшевеливающий толчок, женщина должна еще получить извне или развить в самой себе силы для протesta и борьбы. Борьба будет самая разнообразная; сначала внутренняя борьба, ломка прежних убеждений и созидание новых; потом борьба с семейными властями, с маменьками, с тетушками, с их матримониальными планами, с их велико-советскими предрассудками, с их мещанскою посредственностью и окоченевшею рутинностью; наконец - борьба с общественным мнением, с насмешками, намеками и сплетнями. Возьмем самую простую вещь - труд женщины. Мы знаем внешний факт: некоторые девушки ходили на лекции в университет и ходят до сих пор в Медико-хирургическую академию. {15} Но знаем ли мы внутреннюю, закулисную, семейную сторону этого факта? Сколько домашних споров вызывало, быть может, желание девушки учиться серьезно, сколько раз это желание бывало подавляемо, сколько слез тут было пролито, и какие святые слезы! Если вы, положим, видите сегодня десять девушек на лекции, то почему вы знаете, чего им стоило прийти? И почему вы знаете что на эту лекцию не пришло бы еще двадцать девушек, если бы их не задержали... доводами, насмешками, силою? Теперь идет речь о том, что женщины желают быть допущены к медицинской практике. Вопрос, как вы видите, поднят свежий, но какие иногда встречаются отзывы, - хоть святых вон несы! Например, киевская газета "Современная медицина" в своем фельетоне вздумала позубоскалить на эту тему; {16} она говорит, что женщины-медики будут поставлены в щекотливое положение, если им придется лечить специально-мужские болезни, и потом предлагает этим женщинам-медикам называться докториссами. Это только плоско и, конечно, не может иметь никакого влияния на разрешение поставленного вопроса, но вы посмотрите на дело вот с какой точки зрения: если такие шутки откалываются в печати людьми грамотными, чуть ли даже не учеными, то что же говорится на эту тему конфиденциально, в своих кружках, людьми темными и употребляющими прилагательное ученый не иначе, как с прибавлением существительного гусь... Каково тут будут острить и потешаться над тою женщиною, которая у нас в России первая решится объявить себя практикующим медиком? И ведь эти остроты и потехи будут раздаваться в тех самых семейных кружках, в которых будут подрастать молодые существа, способные проникнуться до глубины души идею о пользе и необходимости женского труда. Какова будет борьба! Каково будет слабой женщине с нежною, тонкою кожею проходить сквозь строй грубых насмешек, наглых взглядов в упор, благонамеренных советов и крупно посоленных острот и намеков! Подумайте об этом, поставьте на место этой пробивающейся личности образ дорогой для вас женщины, и тогда найдите в себе силы бросить камнем в ту, которая ослабеет и спасет на половине дороги. Мне кажется, вы тогда согласитесь со мною в том, что женщина находится у нас в таком положении, при котором она не отвечает ни за что; когда она изнемогает и падает, мы должны ей сочувствовать как мученице; когда она одолевает препятствия, мы должны прославлять ее как герoinю.

Если что-нибудь дурно в женщине, так дурна форма, в которую отлиты ее понятия, чувства и действия; а форму эту изготовили мы; изменить ее собственными силами женщина не может; а материал в ней так хорош, так свеж,

несмотря на уродливую форму, в которую он втиснут, что он заставляет все забывать; любовь матери, сестры, любовницы, жены разливают на нашу серую жизнь светлые полосы счастья и поэзии. И за что нас любят эти милые существа? И чем мы это заслужили? На этот вопрос мы затруднимся ответить, если не хотим ответить фразой; но в этом избытке любви, которая вырывается из меры и тратится без разбора, в этой кипучей полноте покуда не осмысленного чувства, в этом отсутствии нравственной экономии и рассудочности - заключаются именно задатки будущего богатого развития, будущей широкой, разносторонней, размашистой жизни, будущей плодотворной, любвеобильной деятельности. Что сделает женщина, если она будет развиваться наравне с мужчиной? - это вопрос великий и покуда неразрешимый.

II

Из предыдущих общих рассуждений читатель может заметить две выдающиеся черты: во-первых, то, что я во всех случаях, безусловно оправдываю женщину; во-вторых, то, что я считаю теперешнее положение женщины крайне тяжелым и неутешительным. С этими двумя основными идеями я приступлю теперь к анализу женских типов, встречающихся в романах и повестях Гончарова, Тургенева и Писемского. Я буду выбирать только те личности, которые еще борются с жизнью и чего-нибудь от нее требуют. Женщины, уже помирившиеся с известною долею, не войдут в мой обзор потому, что они, собственно говоря, уже перестали жить.

Те конечные результаты, к которым приводит жизнь, не лишены интереса; их можно изучать как определившиеся факты, как памятники прошедшего; но дело в том, что мы теперь живем тревожною жизнью настоящей минуты; мы чувствуем неотразимую потребность отвернуться от прошедшего, забыть, похоронить его и с любовью устремить взоры в далекое, манящее, неизвестное будущее. Поддаваясь этой потребности, мы сосредоточиваем все наше внимание на том, в чем видна молодость, свежесть и протестующая энергия, на том, в чем вырабатываются и зреют задатки новой жизни, представляющей резкую противоположность с нашим теперешним прозябанием. Наши романисты также поддаются этой потребности, изображая своих героинь именно в тот момент, когда они, под влиянием чувства к мужчине, развертывают все силы своей природы и поворачивают свою жизнь в ту или другую сторону. Этот поворотный пункт в жизни женщины особенно важен; редко удается женщине пойти по той дороге, которая обещает полное удовлетворение ее потребностям и стремлениям; большую частью ей приходится, споткнувшись об какое-нибудь препятствие, свернуть куда-нибудь в сторону и потом, убедившись в невозможности выйти снова на прежний широкий, светлый и ровный путь, жить день за днем, без цели, без определенных желаний, без живого наслаждения. Кто видит женщину в этой фазе развития, тот видит существо большое, слабое, увядашее, способное молча покоряться, но уже потерявшее силы и желание работать и бороться. В такой отжидающей женщине вы не найдете следов той энергии, которая кипела в молодой девушке; в энергии этой заключаются залоги будущего развития, следовательно, чтобы составить себе понятие о том, на что способна женщина, какие силы таятся в ее мозгу, в ее нервах, изучайте ее тогда, когда она еще полна жизни и свежести, а не тогда, когда она измята, избита и обесцвечена влиянием пошлых людей и пошлой обстановки. Берите ее именно в ту минуту, когда она

любит и когда, подавая руку избранному человеку, она готова с ним рядом весело идти навстречу труду, лишениям, суду света, упрекам родственников, словом - всем тем передрягам, которые закаляют человека и которые на нашем бесцветном и неточном разговорном языке называются горем и неприятностями.

Роман большей части наших женщин непродолжителен и нерадостен благодаря тому обстоятельству, что наши мужчины из рук вон плохи; а почему плохи наши мужчины, это я, насколько возможно, старался объяснить в предыдущей статье. {17} Большею частью мужчина влюбляется в женщину или тогда, когда он находится в положении неопределившегося птенца, или тогда, когда жуиование жизнью, мелкие дрязги и постоянный разлад между миром мысли и миром действительности измучили и утомили его до крайности. Свежести и силы нет у наших мужчин; они становятся стариками на другой день после того, как перестают быть ребятами; мало того, старческая дряблость живет в них рядом с ребяческою наивностью и неразвитостью; не умея ни одним серьезным делом заняться серьезно, они уже начинают чувствовать себя лишними на белом свете в том возрасте, в котором при нормальном образе жизни должно еще продолжаться физическое и умственное развитие. Делать нечего, заняться нечем, болтать вдохновенную чепуху надоедает - и человек мечется из угла в угол, привязывается к разным искусственным интересам, чтобы хоть чем-нибудь заинтересоваться, и наконец, встретив на своей дороге женщину, которая ему нравится и способна понимать то, что он ей будет говорить, воображает себе, что он в пристани, что цель жизни найдена, что его счастье в руках этой любимой им особы. Но дело в том, что особы и ее обожатель совершенно различными глазами смотрят на жизнь.

Женщину заинтересовывает то, что мужчина говорит ей о жизни; она сама не жила, а покуда только росла или прозябала в родительском доме; а между тем сил пожить и желания пожить в ней набралось много, вот она и слушает с напряженным и постоянно возрастающим любопытством и участием то, что ей говорит ее собеседник о новом для нее процессе, о самостоятельной жизни, в которой человек сам пожинает посевные плоды и сам несет ответственность за свои хорошие и дурные поступки. Она не замечает того, что ее собеседник устал жить, хотя в сущности очень мало жил; она не замечает того, что ее собеседник постоянно оставался школьником, хотя давно уже покинул университетскую скамью; она воображает себе, что деятельность ее собеседника действительно широка и плодотворна, что жизнь его полна и разнообразна; она готова была бы завидовать ему, если бы она его не любила и не надеялась разделить с ним все наслаждение и всю обаятельную тревогу этой, по ее мнению, деятельной жизни. Она не знает и не понимает, что ее обожатель никогда в жизни не являлся и не явится полноправною, самостоятельною, всесторонне развитою человеческою личностью; она не видит того, что избранник ее сердца бегает как белка в колесе и будет продолжать это общеполезное занятие до тех пор, пока не откажутся служить его руки и ноги; заглядывая из спертой атмосферы своей девической каморки в рабочий кабинет того человека, которого она желает назвать своим мужем, девушка не замечает того, что она только из одной клетки хочет перейти в другую; эта другая будет, пожалуй, попроще первой, да что же в этом толку? - клетка все-таки останется клеткою.

Ошибаясь насчет размеров и значения деятельности, девушка ошибается

точно так же насчет самой личности того человека, который, поразивши ее воображение, начинает мало-помалу возбуждать в ней любовь. Она слушает его рассуждения о жизни с страстным воодушевлением и придает его личности часть того огня, который горит в ней самой: она воображает себе, что рассказчик чувствует то же самое, что чувствует она, слушательница; ведь случается же иногда, что человек, с которым произошло какое-нибудь счастливое событие, выходит на улицу и воображает себе под влиянием своего господствующего настроения, что все окружающие предметы, одушевленные и неодушевленные, смотрят на него как-то особенно весело, дружелюбно и доверчиво. Если такой человек одарен значительно долею впечатительности и фантазии, то с ним может случиться то, что он подойдет к цепной собаке, чтобы приласкать ее, и, конечно, очень быстро печальным опытом убедится в ошибочности своих оптимистических взглядов. Для молодой девушки, воспитывающей в груди своей первое чувство любви, такого рода ошибка почти неизбежна. Идеализировать личность нравящегося человека гораздо легче, чем идеализировать цепную собаку, а последствия от того и другого могут выйти одинаково скверные, хотя и существенно различные по внешним проявлениям.

Молодой человек, рассказывающий девушке о том, как он развивался, как боролся с обстоятельствами, что перенес и выстрадал, гальванизирует самого себя процессом рассказа и близостью нравящейся ему женщины; глаза его блестят, давно поблекшие щеки загораются ярким румянцем; дикция его оживляется по мере того, как он замечает впечатление, производимое его речью на свою собеседницу; он сам наслаждается своим торжеством: чувство удовлетворяемого самолюбия доставляет ему более сильное удовольствие, чем чувство разделенной любви: в самой пылкой сцене любви он является в одно время и актером и зрителем, и эта несчастная способность смотреть на самого себя со стороны в то время, когда существо свежее безраздельно отдается обаятельному впечатлению минуты, эта несчастная способность, повторю я, есть верный симптом вялости и дряблости; мозг постоянно бодрствует и господствует над всеми направлениями организма потому, что остальные нервы притупились и ослабели. А между тем девушка вся находится под обаянием: ни одно слово в рассказе, ни одна нота в голосе рассказчика, ни одно изменение в мускулах его лица или в выражении его глаз не пропадает для нее и не ускользает от ее напряженного, благоговеющего внимания. Новые, неиспытанные и неожиданные ощущения проходят через ее нервную систему с такою непостижимою быстротою, что она в течение получасового разговора переживает чуть ли не два-три года и почти внезапно из взрослого ребенка превращается в любящую женщину. И как она хороша в эту минуту перерождения! И как она, при всей своей чуткости, при всей напряженной силе внимания, не способна отнестись к своему собеседнику! Как она горячо верит и как жестоко ошибается! В ней вспыхивает энергия, и в нем вспыхивает энергия; но в ней это первые проблески разгорающегося пламени, а в нем это последние искры потухающего огня. Она после двух-трех теплых разговоров способна решиться на все, а он после двух-трех таких разговоров уже ровно ни на что не способен; она подойдет к нему и скажет: "Ну, что же! мы довольно говорили; пора действовать, пора жить; если между нами есть препятствия, опрокинем их, перешагнем через них. Пойдем навстречу трудам, опасностям и наслаждению". А он, потративши остатки энергии на